

DOI: 10.18721/JHSS.8112

УДК 1(091);16

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРФОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ*

Н.В. Медведев¹, Е.Е. Медведева²

¹ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена анализу особенностей перформативной модели языка, представленной в трудах позднего Витгенштейна. Содержание перформативной модели языка сводится к трем основным положениям: слова производят действия; смысл высказывания не передается непосредственно через буквальное выражение; значение слова постигается в употреблении. В работе обсуждаются методологические возможности и эвристическая ценность перформативного подхода к языку для изучения и анализа культуры. Доказывается, что изменение взгляда на язык оказывает влияние на способ концептуализации и исследования культурных и социальных явлений. Изучение и обобщение культурных фактов, так называемых локальностей, служат условием для концептуализации культуры и формирования представления о ней. Невозможно непосредственно воспринимать культуру во всей ее целостности, как и любую другую макроструктуру. В действительности исследователь имеет дело с многочисленными «локальностями» культуры. Рекомендация Л. Витгенштейна состоит в том, чтобы внимательно наблюдать за коммуникативной ситуацией, анализировать конкретные случаи употребления языкового выражения для постижения значения терминов культуры. Авторы статьи доказывают, что феномен культуры, связанные с ним онтологические и эпистемологические проблемы требуют своего переосмысления с учетом компетентного применения перформативной модели языка.

Ключевые слова: перформативная модель; язык; культура; значение; понимание; Витгенштейн

Ссылка при цитировании: Медведев Н.В., Медведева Е.Е. Методологический потенциал перформативной модели языка в изучении культуры // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 99–107. DOI: 10.18721/JHSS.8112

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE PERFORMATIVE MODEL OF LANGUAGE IN THE STUDY OF CULTURE

N.V. Medvedev¹, E.E. Medvedeva²

¹ Tambov State University named after Derzhavin, Tambov, Russian Federation

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-33-00048 «Понимание иных культур: философско-методологический анализ».

This article analyzes the characteristics of the performative language model presented in the writings of the late Wittgenstein. The content of the performative language model boils down to three main statements: words produce action; the meaning of the utterance is not transmitted directly through the literal expression; meaning is understood in use. The paper discusses the methodological possibilities and heuristic value of the performative approach to language for the study and analysis of culture. It is proved that the change of view of language affects the way of conceptualizing and studying cultural and social phenomena. Study and generalization of cultural facts, the so-called locals, is a condition for the conceptualization of culture and the formation of ideas about it. Culture, as well as any other macrostructure, cannot be directly perceived in its entirety. In fact, the researcher has to deal with numerous cultural "locals". Wittgenstein's recommendation is to carefully observe the communicative situation, analyze the specific cases of the use of linguistic expressions for understanding the value of cultural terms. The authors argue that the phenomenon of culture and the ontological and epistemological problems associated with it require a rethinking taking into account a competency-based application of the performative language model.

Keywords: performative model; language; culture; meaning; understanding; Wittgenstein

Citation: N.V. Medvedev, E.E. Medvedeva, Methodological potential of the performative model of language in the study of culture, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (1) (2017) 99–107. DOI: 10.18721/JHSS.8112

В современной эпистемологии общепризнанным является тезис о том, что в основе научной деятельности любого ученого лежит набор явных и неявных предпосылок, которые оказывают влияние на способ постижения и освоения предмета. Неявные предпосылки довольно сложно распознать, поэтому они, как правило, не вызывают подозрений у специалистов. Одна из таких предпосылок – представление о языке, складывающееся в процессе человеческой жизнедеятельности. Особая роль указанного фактора заключается в том, что понимание природы лингвистического феномена, соотношения языка и окружающего мира в значительной мере определяет характер концептуализации и способ изучения разнообразных социальных и культурных феноменов [1].

Широко распространенным взглядом на язык является так называемая «изобразительная» (референциальная) модель, в которой значение определяется как предмет, обозначаемый тем или иным словом. Слова языка воспринимаются как ярлыки, закрепленные за предметами независимой от человеческого сознания реальности. В данной перспективе естественный язык рассматривается как автономный, отделенный от внешнего мира комплекс символических элементов: слова располагаются как бы

по одну сторону, а обозначаемые ими предметы – по другую. Взаимосвязь слов и предметов достигается посредством референции. В другой перформативной модели, которая явно или неявно принимается учеными, описанное выше разделение языка и мира преодолено: язык рассматривается как неотъемлемая часть объективной реальности. Значение слов естественного языка интерпретируется как их употребление в специфических ситуациях. Речь и действия характеризуются как неразрывно переплетенные между собой [2].

Эти два подхода кардинально различаются в своем понимании природы языка, в них по-разному описывается соотношение языка и реальности. Однако если первый, традиционный, подход постоянно применяется в исследованиях культуры, то второй лишь изредка встречается сегодня в работах специалистов. Этот факт можно объяснить, видимо, тем, что в научной литературе до сих пор отсутствуют внятные рекомендации по использованию перформативного подхода к языку в практике анализа социокультурных явлений и процессов. Рассмотрим методологические возможности, которые открываются перед исследователем в области социальных и гуманитарных наук, если он придерживается перформативного взгляда

на язык в качестве элемента своей когнитивной системы. Чтобы прояснить суть перформативной модели языка, раскрыть ее эвристический потенциал в изучении культуры, обратимся к поздним работам Л. Витгенштейна.

Особенности перформативной модели языка.

Обычно используемый в общественной практике денотативный подход к языку продуцирует полярное восприятие мира, которое современный французский социолог науки Б. Латура метко охарактеризовал как «Великий Разлом» [3]. Этот *Великий Разлом* проявляется в расчленении реальности на объективную и субъективную, природу и общество (культуру), материальную и идеальную, видимую и невидимую. Как утверждает Л.Я. Аверьянов, «разделив весь многообразный мир на равные части, человек реализовал свое стремление к симметрическому и асимметрическому восприятию мира, имеющее громадное и принципиальное значение для познания мира и построения отношений с ним» [4]. Постигание реальности через ее удвоение оказывается главной чертой современного (модернистского) мышления. Полюс природы описывается как трансцендентальный, универсальный, объективный, всеобщий, а полюс культуры и общества изображается как имманентный, случайный, субъективный или особенный. Каждое явление или факт исследуются, анализируются и классифицируются в терминах одного из выделенных полюсов. По словам Латура, это работа очищения, где наблюдаемый феномен «очищается» либо на полюсе природы, либо на полюсе общества, но никогда через смешение обоих полюсов. Совокупность практики посредством «очищения» образует две совершенно различные онтологические зоны [3, с. 71]. Язык, согласно данной перспективе, относится к полюсу культуры, а обозначаемые словами предметы располагаются на полюсе природы. Иначе говоря, слова служат человеку для обозначения объектов внешней реальности, а осуществляемая посредством референции взаимосвязь языка и мира трактуется как однозначная.

Л. Витгенштейн в работе «Философские исследования» (1953) убедительно критикует такое упрощенное представление о функционировании языка и разрабатывает альтернативный подход, раскрывая деятельностную, социаль-

ную природу лингвистического феномена [5]. При помощи «терапевтических» приемов, призванных избавить людей от недоразумений относительно значения используемых языковых выражений, Витгенштейн стремится привлечь наше внимание к дискурсивным практикам в разнообразных формах человеческой деятельности [6, с. 134]. Содержание предложенной им новой перформативной модели языка можно выразить в трех основных положениях. Во-первых, *слова производят действия*. Например, высказывание «Собрание объявляется открытым» действительно открывает собрание, а не просто описывает определенную ситуацию. Таковую же способность осуществлять действие производят фразы: «Отключите свои мобильные телефоны!», «Просьба соблюдать регламент», «Прошу тишины!» и т. д. Во-вторых, *смысл высказывания не передается непосредственно через буквальное выражение*. Чтобы понять, скажем, выражение «Увидимся», нам потребуется поместить его в определенный контекст. В зависимости от конкретной ситуации, произносимой интонации данное выражение способно приобретать дружественный или угрожающий оттенок. В-третьих, *значение слова или высказывания постигается в употреблении*. Смысл некоторой фразы (например, «Еще увидимся», «Представь себе», «Это чудесно», «Не беспокойся» и т. п.) устанавливается в контексте употребления.

Перформативная модель языка не предлагает трактовать значение слов или знаков как обозначение существующих во внешнем мире объектов. Значение не формируется через взаимосвязь одного с другим, когда слова и те, кто их употребляют, находятся как бы на одном полюсе, а обозначаемые предметы — на противоположном. Нам не следует воспринимать значение в понятиях бинарной оппозиции: «объект — субъект», «природа — общество», «каузальное объяснение — интерпретация». Заслуга Витгенштейна как философа состоит в том, что он сумел развенчать характерное для традиции августиновское представление о языке, когда слова рассматриваются как ярлыки вещей [5, с. 80]. Тот, кто защищает референциальный подход к языку, «подразумевает способ, при помощи которого ребенок обучается таким словам, как „человек“, „сахар“, „стол“, и он не думает в первую очередь о таких словах, как „не“, „но“, „может быть“» [7, с. 5]. Но этот

способ объяснения, как замечает Витгенштейн, можно сравнить с неполным описанием игры в шахматы, когда, например, не упоминают о том, что существуют еще и пешки, т. е. фигуры, которые могут передвигаться по шахматной доске особым образом.

Критика Витгенштейном традиционного взгляда на язык не только ставит под сомнение наше привычное понимание природы и функций языка, но и служит отправной точкой для экспликации нового воззрения о сущности естественного языка. Разве слова только именуют или обозначают? «Подумай только об одних восклицаниях с их совершенно различными функциями: „Воды!“, „Прочь!“, „Ой!“, „На помощь!“, „Прекрасно!“, „Нет!“. Неужели ты всё еще склонен называть эти слова „наименованиями предметов“?» [5, с. 92]. В самом деле, как мог бы сказать Дж. Остин, эти слова производят очень разнообразные действия: предупреждают, приказывают, восхваляют или объявляют о прекрасном чувстве. Книга Остина «Как производить действия при помощи слов?» (1962) проливает свет на перформативную характеристику языка [1]. Согласно Остину, высказывания не только несут информацию от адресата к отправителю, они содержат в себе способность побуждать адресата сообщения к действию и способность быть действием. Например, слово «да» может звучать одинаково, но при этом выполнять разные функции, прокладывая тем самым путь к формулированию разных выводов. Поэтому, в противоположность точке зрения Августина, нам не следует определять значение слова исключительно как тот предмет (или референт), который обозначается этим словом.

Значение как употребление. Но если значение не референт внешнего мира, то тогда что такое значение слова? Не ограничиваясь только критикой референциального подхода к описанию значения, Витгенштейн выявляет бессмысленность самого вопроса «Что такое значение?», заявляя, что этот вопрос вызывает в нас «ментальную судорогу». Даже если мы чувствуем, что должны указать на что-то, отвечая на этот вопрос, то в действительности не способны выполнить это [8, с. 7]. Общий соблазн заключается в том, что при ответе на подобный вопрос мы стремимся осуществить отсылку к сознанию, как будто значение и его понимание

являются определенными психическими процессами или скрытыми механизмами. По мнению Витгенштейна, утверждение «мышление — это психическая деятельность» заводит нас в тупик. Он предлагает рассматривать мышление как оперирование знаками [Там же. С. 30–31]. Однако сам философ, как известно, опровергал тезис о существовании индивидуального языка, заявив, что работа языка основана на общем согласии людей относительно правильного (уместного) дискурсивного поведения. Значение становится доступным для окружающих людей только через употребление говорящим того или иного слова в определенной языковой игре. Согласно Витгенштейну, «если грамматику выражения ощущения трактовать по образцу „объект и его обозначение“, то объект выпадает из сферы рассмотрения как не относящийся к делу» [5, с. 183]. Формирование понятия не осуществляется путем пристального всматривания в предмет. Владеть понятием — значит знать, как употребляется слово, соответствующее данному понятию, знать правила, которые определяют критерий правильности употребления данного слова в определенной языковой игре [9, с. 79].

Таким образом, значение знаков непосредственно связано с их применением, включая правила применения в конкретной языковой игре и определенном виде социальной деятельности. Правила деятельности регламентируют специфическую форму жизни. Изменение самих этих правил способно повлечь за собой становление иной формы существования. Акцентируя коммуникативный аспект языка, Витгенштейн утверждает, что при определении значения слова необходимо ориентироваться не столько на предмет, сколько на ситуацию, в которой употребляется слово или предложение [Там же. С. 56].

Тем не менее многие из нас склонны доказывать, что знаки языка — звуки, которые мы произносим, или буквы, написанные на листе бумаги, которые мы читаем, — есть что-то «пустое» без указания на сопровождающий их умственный процесс. И если нас спрашивают о связи языкового знака с тем, что он обозначает, то обычно мы отвечаем, что такая связь является внутренней (ментальной), и при этом ссылаемся на ассоциации, имеющиеся в нашем сознании. «Мы склонны думать, — говорит Витгенштейн, — что действие языка состоит из

двух частей: неорганическая часть, оперирование со знаками, и органическая часть, которую мы можем назвать пониманием этих знаков, подразумеванием их, интерпретацией их, мышлением. Эти более поздние действия, кажется, происходят в странном медиуме — сознании» [8, с. 11]. Чтобы избежать «окультурных» феноменов, которые, как мы верим, происходят в нашем сознании (мышление, воображение, интерпретация, значение, понимание), Витгенштейн предлагает нам заменить эти процессы процедурой смотра на реальный объект через его рисование, графическое изображение или моделирование. Как только мы выполним эту рекомендацию, т. е. прочтем или услышим знак вместе с его нарисованным образом, таинственность предшествующей неразличимости значения знака исчезает, а образ утрачивает свой оккультный характер. «Тогда почему, — спрашивает Витгенштейн, — этот нарисованный знак плюс этот нарисованный образ будет живым, если один написанный знак был мертвым?» [Там же. С. 14]. Неожиданно скрытое значение, как мы могли бы подумать, перестало вообще оказывать воздействие на жизнь предложения.

Таким способом Витгенштейн опровергает ассоциативную теорию знака, в которой значение знака рассматривается как внутренний образ, хранящийся в нашей памяти [9, с. 56]. Значение слова не находится в голове, не важно, насколько сильно вы ощущаете этот способ рассуждения; оно не есть понимание ментального процесса.

Проанализированные выше витгенштейновские аргументы ясно показывают неадекватность нашей собственной уверенности в том, что значение есть объект, существующий во внешнем мире, или что значение есть определенный образ, хранящийся в нашем сознании. Оба эти убеждения являются результатом одного и того же заблуждения: «Мы ищем употребление знака, но ищем его так, будто он есть предмет, сосуществующий со знаком. Одна из причин этой ошибки заключается в том, что мы ищем „вещь, соответствующую имени существительному”» [10, с. 91].

Вместе с тем поставленный вопрос остается без ответа. Если значением знака не является ни внешний референт, ни внутренний образ в нашем сознании, то тогда что «оживляет» знак?

Витгенштейн предлагает заменить вопрос «Что такое значение слова?» вопросом «Что такое объяснение значения?» [8, с. 7]. Такая трансформация вопроса имеет по меньшей мере два преимущества. Во-первых, она позволяет избежать спекуляций относительно значения и философского замешательства, сопровождающего всякий раз это понятие. В самом деле, объяснения становятся более конкретными, они не вводят нас в искушение гнаться за собственной тенью, как это происходит при нашем обращении к понятию «значение» [9, с. 35]. «Приблизительно это звучит так: „Давайте зададимся вопросом, что такое объяснение значения, ибо то, что оно объясняет, и есть значение”» [8, с. 7]. Второе преимущество предложенной перефразировки заключается в том, что она возвращает нас к обыденным языковым практикам, таким как объяснение. Объяснения строятся на основе описаний. Предоставление описания влечет использование примеров, демонстрирующих нам, что подразумевается под тем или иным словом или фразой. В итоге значение переводится в публичную сферу, общую для всех пользователей языка: «Если я нуждаюсь в обосновании употребления слова, то оно должно быть обоснованным и для другого» [5, с. 201]. Необходимо подчеркнуть важность последнего высказывания, так как, с одной стороны, оно исключает необходимость нашего обращения к субъективным восприятиям как основе утверждений, «не интерпретации как таковые определяют значение» [Там же. С. 162], с другой, открывается путь для согласованного действия, поскольку там, где заканчивается объяснение, формируется интерсубъективное значение в рамках совместной языковой практики [Там же. С. 170]. Критика Витгенштейном объяснительных процедур обусловлена также тем фактом, что объяснение утверждает приоритет одного-единственного взгляда на вещи, выдавая его за истину, что неизбежно ведет к догматизации предложенного аспекта видения вещей [11, с. 367].

На переформулированный вопрос «Что такое употребление слова „значение”?» ответ действительно выглядит тривиальным: «Значение слова есть то, что объясняется объяснением значения» [5, с. 235]. Вместе с данным утверждением возникает другой вопрос: «Что объясняется, когда мы объясняем значение

слова?» Витгенштейн отвечает: его употребление [5, с. 212] вместе с правилами, регулируемыми употреблением объясняемого слова [Там же. С. 118]. Мы часто объясняем значение слова или выражения через примеры различных ситуаций, в которых это слово употребляется [Там же. С. 113–115]. Например, чтобы объяснить значение слова «игра», мы можем рассуждать о настольных играх, карточных играх, играх с мячом, Олимпийских играх и т. п.; можно предложить широкий набор примеров, в которых слово «игра» употребляется правильно. Однако нам трудно сообщить, что же является общим для всех этих случаев употребления данного слова, потому что, как утверждает Витгенштейн, не существует одной-единственной характеристики, которая объединяла бы все эти случаи. Так, в «Философских исследованиях» (§ 7) явно обосновывается перформативный подход к языку. Рассуждая о «языковой игре», Витгенштейн ссылается на «язык и действия, с которыми он переплетен» [Там же. С. 83]. Он тщательно исследует разнообразные случаи, которые дают нам объяснение слова «игра». Результат его анализа таков: «Мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом» [Там же. С. 111]. Он характеризует эту сеть подобий «семейными сходствами» [Там же].

В итоге рекомендация Витгенштейна для тех, кто желает понять значение слова (или высказывания), сводится к необходимости наблюдать за тем, как это слово употребляется в различных дискурсивных практиках. Исследуя процесс понимания значения определенного слова, нужно наблюдать за тем, как люди оперируют данным словом, исследовать способы его употребления, анализировать обстоятельства, при которых оно применяется, описывать непосредственный коммуникативный контекст. Витгенштейн действует так, когда исследует значение философски нагруженных терминов «время» [8, с. 47–49], «знание» [5, с. 139] и «намерение» [Там же. С. 250–251]. Он проводит мысленные эксперименты, моделируя возможные случаи их употребления. Некоторые специалисты настаивают на том, что Витгенштейн не строил никакой теории значения, а просто вывел методологическую рекомендацию: «Не думай, а смотри!» [Там же. С. 111]. Однако нам

следует учитывать то обстоятельство, что нельзя понять данное утверждение Витгенштейна вне контекста определенной концепции языка и значения [12]. Иначе как можно объяснить, на что следует смотреть, если мы по-прежнему думаем о значении как о чем-то скрытом в наших головах?

Методологические импликации перформативного подхода к языку. Принятие перформативной модели языка одновременно влечет за собой принятие определенной гипотезы о связи языка и мира, слов и объектов. Перформативный взгляд на язык, как правило, побуждает исследователя в сфере социальных наук переосмыслить свое отношение к изучаемому феномену, подводит его к необходимости разработки иного подхода к анализу фактов культуры. К сожалению, концептуализация таких макрофеноменов (макросистем), как культура и социальные структуры, часто осуществляется на основе традиционного представления о работе языка, т. е. когда культура и социальные структуры абстрагируются от контекста повседневной жизни и форм употребления повседневного языка. Переломить эту непростую ситуацию помогает использование перформативной модели языка, ориентированной на изучение дискурсивных практик в культуре. Интерпретация лингвистического феномена в терминах его социальной перформативности делает возможным прояснение словаря культуры через анализ способов его употребления в контексте повседневной деятельности людей.

Сегодня в научной литературе и средствах массовой информации понятие «культура» часто используется как макрообъяснительный фактор самых разнообразных явлений общественной жизни: от гражданских войн до финансовых кризисов, от модернизации общества до статистики браков и разводов, от состояния религиозности населения до проблем материнства и детства. Однако что именно подразумевается под термином «культура», часто остается неясным [13]. Нельзя отрицать тот факт, что определенная форма культурологического объяснения социальных явлений и процессов может быть весьма полезной и успешной, но обращение к культуре предоставляет нам лишь частичное объяснение того, почему люди думают и ведут себя так, а не иначе. Как утверждает

А. Купер, политические и экономические силы, социальные институты и биологические процессы не могут быть приравнены к системам знания и верований [13, с. 11]. Изучение культуры как макропеременной вынуждает исследователя отделить ее от языка и повседневной жизни. Тогда как изучить культуру, не рассматривая ее при этом в отрыве от непосредственных носителей (людей, сообществ)? Вместе с тем следует признать, что само понятие культуры, которое применяется в качестве макрообъяснительного фактора, нуждается в строгом концептуальном анализе. Сложность разбираемой здесь проблемы состоит в том, что исследователь, изучающий культуру как макросистему, не способен наблюдать ее целиком. Дело в том, что те эмпирические данные, с которыми имеет дело исследователь культуры, выступают для него как совокупность определенных явлений, процессов, ситуаций. Изучение и обобщение культурных фактов, так называемых локальностей, служат условием для концептуализации культуры и формирования представления о ней. Невозможно непосредственно воспринимать культуру в ее целостности, впрочем, как и любую другую макроструктуру. В действительности ученый имеет дело с многочисленными «локальностями» культуры.

Если мы принимаем утверждение Витгенштейна, что слова не связаны непосредственно с внешним миром или с образами (ассоциациями) в нашем сознании, то тогда исследование культуры нужно осуществлять методологически иным способом. Рекомендация Витгенштейна состоит в том, что нам нужно внимательно наблюдать за коммуникативной ситуацией, анализировать конкретные случаи употребления языкового выражения, если мы действительно хотим понять значение определенных слов или конкретных терминов культуры. Поэтому феномен культуры, а также связанные с ним онтологические и эпистемологические проблемы требуют своего переосмысления с учетом компетентного применения перформативной модели языка. Нет необходимости осуществлять анализ культуры через фиксирование ее объективной, внешней сущности, которую можно количественно или качественно измерить. Напротив, следует рассматривать тот социальный контекст, в котором употребляется слово «культура»; важно обращать внимание

на те ситуации, где собеседники (информанты) оперируют данным словом. Нужно подвергнуть критическому анализу те конкретные обстоятельства, при которых употребляется термин «культура», отслеживать и изучать случаи его специфического употребления. Так, Э. Баринага, опираясь на идеи Витгенштейна и Остина, обосновала методологический потенциал перформативной модели языка в изучении культуры в рамках проведенного ею этнографического исследования [14]. Она резюмировала, что при анализе культуры следует всегда задаться вопросами: Как участники коммуникации применяют слово «культура» в своей социальной практике? При каких обстоятельствах и почему они вынуждены обращаться к этому слову? Такой подход обусловлен тем, что философские проблемы культуры часто возникают по причине замешательства, связанных с употреблением термина «культура» в различных социальных контекстах.

Очевидные достоинства перформативного подхода к языку для постижения культурных процессов представлены в книге А. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» [15]. Опираясь на понятие «перформативный сдвиг», он показывает, каким образом дискурсивные изменения в культурной жизни советского общества оказали разрушительное воздействие на социалистическую систему.

Л. Витгенштейн говорит о философских проблемах как замешательствах, обусловленных «зачарованностью нашего интеллекта средствами нашего языка» и превратным истолкованием форм языка [5, с. 127]. Мы порой безуспешно ищем ту реальность, для которой подходит конкретное слово. Однако философ утверждает, что значение не есть внешний предмет, соответствующий слову, или устойчивый образ, хранящийся в нашем сознании. Значение обнаруживается в определенном контексте, в рамках тех обстоятельств, когда употребляется слово (или фраза) наряду с правилами его употребления.

Витгенштейновское представление о языке, выраженное в формуле «значение есть употребление», отстаивает важность поверхности, конкретного случая, того, что имеет место здесь и сейчас. Разрабатываемая им перформативная

модель языка выявляет значимость контекста употребления слова или высказывания. Рекомендация Витгенштейна «смотреть» порицает любую попытку исследователя искать некоторые скрытые структуры и таинственные сущности. В случае принятия ученым перформативной модели языка культура уже не может рассматриваться как трансцендентная макро-

структура. Напротив, исследователь должен наблюдать за представителями определенного сообщества, слушать, о чем они говорят, фиксировать их аргументы и доводы. При лингвистическом анализе культуры следует обращаться к слову «культура» лишь в той мере, в какой сами информанты обращаются к нему, употребляя это слово в своей дискурсивной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Остин Дж.** Как производить действия при помощи слов? // Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713/st000.shtml> (дата обращения: 14.10.2016).
2. **Baker G.P., Hacker P.R.S.** Wittgenstein: meaning and understanding. Oxford: Basil Blackwell, 1983.
3. **Латур Б.** Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д.Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2006. 240 с.
4. **Аверьянов Л.Я.** Факт и его интерпретация. URL: <http://www.klex.ru/511> (дата обращения: 10.10.2016).
5. **Витгенштейн Л.** Философские исследования [пер. с нем.] // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
6. **Медведев Н.В.** Практический смысл метафилософии Витгенштейна // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9. С. 127–138.
7. **Витгенштейн Л.** Коричневая книга / пер. с англ. В.П. Руднева. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 160 с.
8. **Витгенштейн Л.** Голубая книга / пер. с англ. В.П. Руднева. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 128 с.
9. **Медведев Н.В.** Философия Людвиг Витгенштейна и проблемы понимания иных культур: моногр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 282 с.
10. **Kenny A.** (ed.). The Wittgenstein reader. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
11. **Медведева Е.Е.** Социальная основа философии языка позднего Витгенштейна // Вестн. Тамб. ун-та. Гуманитарные науки. 2013. № 12 (128). С. 363–369.
12. **Glock H.J.** A Wittgenstein dictionary. Oxford: Basil Blackwell, 1996.
13. **Kuper A.** Culture. The anthropologist' account. Cambridge, MA, and L.: Harvard Univ. Press, 1999.
14. **Barinaga E.** A performative view of language – methodological considerations and consequences for the study of culture // Forum: Qualitative Social Research. 2009. Vol. 10 (1), Art. 24. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs0901244> (дата обращения: 20.09.2016).
15. **Юрчак А.** Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение [пер. с англ.] / предисл. А. Беляева. М.: Новое лит. обозр., 2014. 604 с.

МЕДВЕДЕВ Николай Владимирович – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; mnv88@mail.ru

МЕДВЕДЕВА Евгения Евгеньевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; sem.23@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.10.2016 г., принята к публикации 28.02.2017 г.

REFERENCES

- [1] Dzh. Ostin, [How to perform actions with words?], in: Izbrannoye [Selected works], Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi, Moscow, 1999, pp. 13–135. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713/st000.shtml> (accessed 14.10.2016).
- [2] G.P. Baker, P.R.S. Hacker, Wittgenstein: meaning and understanding [Speech to the France Nation], Basil Blackwell, Oxford, 1983.
- [3] B. Latur, Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii, Yevropeyskiy univ. Publ., St. Petersburg, 2006.

[4] L.Ya. Averyanov, Fakt i yego interpretatsiya. Available at: <http://www.klex.ru/511> (accessed 10.10.2016).

[5] L. Vitgenshteyn, Filosofskiye issledovaniya, in: Filosofskiye raboty, pt. I, Gnozis, Moscow, 1994, pp. 75–319.

[6] N.V. Medvedev, [The practical meaning of Wittgenstein's metaphilosophy], Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya, 9 (2016) 127–138.

[7] L. Vitgenshteyn, Korichnevaya kniga [Brawn book], Dom intellektual'noy knigi, Moscow, 1999.

[8] L. Vitgenshteyn, Golubaya kniga [Blue book], Dom intellektual'noy knigi, Moscow, 1999.

[9] N.V. Medvedev, Filosofiya Lyudviga Vitgenshteyna i problemy ponimaniya inykh kul'tur [The philosophy of L. Wittgenstein and the problem of understanding other cultures], TGU im. G.R. Derzhavina Publ., Tambov, 2009.

[10] A. Kenny (ed.), The Wittgenstein reader, Basil Blackwell, Oxford, 1994.

[11] E.E. Medvedeva, [Social basis of language philosophy of late Wittgenstein], Vestnik Tambovskogo univ. Gumanitarnyye nauki, 12 (128) (2013) 363–369.

[12] H.J. Glock, A Wittgenstein dictionary, Basil Blackwell, Oxford, 1996.

[13] A. Kuper, Culture. The anthropologist' account, Cambridge, MA, and London, Harvard univ. Press, 1999.

[14] E. Barinaga, A performative view of language – methodological considerations and consequences for the study of culture, Forum: Qualitative Social Research, 10 (1) (2009), Art. 24. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs0901244> (accessed 20.09.2016).

[15] A. Yurchak, Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye, Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2014.

MEDVEDEV Nikolay V. – Tambov State University named after Derzhavin; mnv88@mail.ru

MEDVEDEVA Evgeniya E. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; sem.23@mail.ru

Received 24.10.2016, accepted 28.02.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017